
НА ПУТИ К СОЗДАНИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

Кемп П.*

Коллективное построение человеческого сообщества, ориентированного на выживание, требует создания определенной модели совместного проживания людей разных культур. Такая модель предполагает диалог между культурами, цель которого – наладить взаимопонимание. В первой части статьи делается попытка проанализировать, почему подобное взаимопонимание труднодостижимо и как его все-таки достичь.

Однако недостаточно понимать, каким образом разные народы могут прийти к взаимопониманию. Духовный гуманизм требует практического гуманизма, поскольку сообществу необходим социальный и правовой режим, который бы регулировал поведение его членов и определял, что есть хорошо, что – плохо с точки зрения совместного проживания, а также задавал ориентиры мирного сосуществования. Во второй части статьи я попытаюсь рассмотреть, какие конкретно задачи и какой правовой режим способны объединить людей разных культур в действительно глобальное сообщество.

Ключевые слова: человеческое сообщество, диалог, культура, глобальный правопорядок.

Collectively constructing a life-focused human community requires creating a life between people from different cultures. Such a life presupposes a dialogue between cultures. And this dialogue must aim at mutual understanding. The first part of this paper tries to analyze why such an understanding is difficult and how it might be established anyway.

However, it is not enough to clarify how different people can understand each other. Spiritual humanism demands practical humanism, because a community needs a social and legal order to regulate the behavior of its members, so that they can know what is good and bad for the common life and how they can live in peace together. The second part of this paper, therefore, tries to analyze which practical goals and which legal order can unify actions of people from different cultures in a real global community.

Keywords: human community, dialogue, culture, global law.

I. Взаимопонимание между различными культурами

Конечно, диалог – это не просто чисто технический обмен информацией (на практике – с помощью информационных технологий); он также предполагает более серьезный обмен взглядами на жизнь.

Вопрос заключается в следующем: что следует подразумевать под взаимопониманием между культурами?

* Кемп Питер – почетный президент Международной федерации философских обществ, профессор философии, факультет образования Орхусского университета (Копенгаген). E-mail: kemp@edu.au.dk.

Чтобы получить ответ, рассмотрим значение слова «культура» в основных европейских языках и выявим противоречия между различными культурами.

Согласно классическому определению, которое немецкий философ И. Г. Гердер дал в своей книге «Идеи к философии истории человечества» (1784–1791) [Herder: 1966], культура – это результат человеческой жизнедеятельности (от лат. *cultura* – возделывание, развитие), созданный средствами языка, религии, мысли, искусства, науки, политики, права, норм, обычаев, оружия и пр.

Культура близка к цивилизации, а именно к процессу, в результате которого человек становится цивилизованным, то есть гражданином (лат. *civis*). В английском языке эти два термина очень часто используются практически как синонимы. Немцы, напротив, склонны противопоставлять *Kultur* и *Civilization* как произведения мысли, литературы и поэзии, с одной стороны, и научные и технические достижения – с другой.

Полезно провести такое же разграничение и в английском языке. Не различая эти два термина, мы можем упустить важный аспект в понимании современной цивилизации – стандартизацию, то есть все более синхронное развитие науки в разных частях света. Такая стандартизация не связана с развитием исторического, социального и индивидуального самоосознания, сопряженного с языком и традициями. Несмотря на то, что в любом уголке мира можно найти одинаковые небоскребы, рестораны «МакДональдс», фешенебельные отели и коммерческие организации, религиозные, моральные и философские концепции могут значительно различаться от страны к стране, от региона к региону.

С одной стороны, мы видим, что современные технические и научные системы и взгляды уже испытали сильное влияние глобализации: они функционируют как международная экономическая сеть, в которой решения все чаще принимаются независимо от политического руководства страны. В этой сети существуют собственные нормы и правила набора кадров, лояльности, солидарности и даже собственный спекулятивный мир под названием «казино-капитализм». Сегодня, говоря о глобализации, часто подразумевают развитие именно этой сети. Если она уязвима, то уязвима как глобальная организация, чьи внутренние устойчивость и стабильность зависят от всей системы, а не только от локальных событий.

С другой стороны, мы должны признать, что развитие исторического, социального и индивидуального самоосознания в прозе, поэзии и других формах символического выражения не может происходить изолированно от влияния региона, его специфического языка и традиций. Истоки целостного самоосознания лежат в последовательности прожитых в историческом времени и социальном пространстве событий; поддержание его зависит от социальной и духовной жизни местного сообщества. Однако это не просто совокупность достижений. Культура – пластичная реальность и потому постоянно требует обновлений: новых поэтов, актеров, мыслителей и т. д., способных выразить силу прежних укоренившихся взглядов в особых, новых условиях. Эти обновления поначалу часто отвергаются как подрывающие традиции. Но культура умирает, если избегает новых идей, изменяющих ее роль как фундаментальной основы общественной и индивидуальной жизни. В процессе обновления ценностей и убеждений она оказывается уязвимой и нуждается в защите от насилия, то есть от силы, превращающей живые существа в простой объект манипуляции.

Проблема состоит в том, как именно людям разных культур достигнуть взаимопонимания, необходимого для построения человеческого сообщества, ориентированного на выживание. Это трудный вопрос, так как каждая культура структурируется горизонтом. Автор данной статьи заимствовал понятие горизонта в немецкой феноменологии XX в. – в частности, у Э. Гуссерля и Х.-Г. Гадамера, которые использовали его для развития своих идей о жизненном мире человека.

Понятие горизонта появляется у Гуссерля в 1929 г. в комментариях к его первой книге «Идеи к чистой феноменологии и феноменологическая философия». Там он пишет, что мир, как показывает опыт, есть нечто большее, чем наполненное объектами пространство, оно связано с «моими возможностями и способностями» [Husserl 1950b: 399], а «вещи в мире открываются для меня различными путями как универсальный горизонт сознания» (*Horizontbewusstsein*) [Ibid.: 400].

Более того, в его «Кризисе европейских наук» (1934–1937) он использует понятие горизонта, чтобы описать мир как жизненный мир человека. Он утверждает, что каждый мир-феномен (*weltliche*) «дан в плоскости одного горизонта» (*im Wie eines Horizontes*) и в каждом горизонте скрыты более широкие горизонты, а значит, в конечном счете каждая вещь в мире имеет мир-горизонты. Он также отметил американского мыслителя У. Джеймса как единственного философа, кто был знаком с феноменом горизонта, когда говорил о *пальцах* [Husserl 1950a: 267]. В своей основной работе *Wahrheit und Methode* («Истина и метод», 1960) Х.-Г. Гадамер продолжил развивать понятие горизонта. Однако он сосредоточился не столько на том, как мы воспринимаем мир благодаря тем возможностям, которые он нам дает, сколько на том, как мы усваиваем традиции через тексты и произведения. Гадамер интересовался герменевтическим аспектом: ролью интерпретации в исторической науке, которая формирует наше представление о себе и задает ориентир нашим действиям.

Проще говоря, горизонт – это то, что открывается нашему взору, когда мы смотрим с определенной точки, и то, что окружает это пространство. Гадамер использовал обычное значение данного слова, чтобы пролить свет на проблему интерпретации традиции [Gadamer 1993: 302]. С этой целью он ввел еще одно понятие из современной философии – понятие *ситуации*.

К. Ясперс ввел идею ситуации в своей книге «Духовная ситуации времени», чтобы охарактеризовать эпохальное сознание индивидуума, который в определенный момент истории осознает собственную волю для реализации своего будущего. Согласно Ясперсу [Jaspers 1931: 19 ff.], ситуация – это, во-первых, экономическая, социальная и политическая обстановка, от которой зависят все люди; во-вторых, это возможная ясность относительно области человеческих знаний; в-третьих, это то, чем сам человек станет в сознании тех, с кем он (или она) сталкивается. Отсюда следует, что не существует единой ситуации, которая была бы одинаковой для всех людей в мире. То, чем я являюсь, – это производная моего места, и суть моего бытия определена исторической эпохой и социологическим положением в целом. Я то, что есть время, и никто не может выйти за рамки своего времени и места. Любые попытки охватить целое обречены на провал, в перспективе они прекратятся.

После К. Ясперса Ж.-П. Сартр использовал понятие ситуации и описал человека как синтез сознательного значения и материального явления. В книге «Бытие и ничто» (1943) он утверждает, что человеческая ситуация «является свободной

координацией и свободным определением сырого данного, не позволяющего определять себя кое-как, любым способом» [Sartre 1943: 568]. Другими словами, явление можно определить таким, но не иным образом, и хотя ситуация связана с сырым фактом, материальной субстанцией нашего мира, значение ей придает человеческое сознание, которое способно свободно координировать и давать определение явлениям.

Это делает взаимопонимание между культурами, которые по сути есть ситуации, проблематичным. Мы можем делить наши горизонты с кем-то, но другие люди – особенно представители других культур – имеют другие горизонты. Таким же образом мы можем поставить себя в аналогичные обстоятельства с кем-то еще, но другие люди создадут иные ситуации.

Анализ усложняется еще и тем, что значение горизонта в ситуации зависит от нашей интерпретации. Так, горизонт – это не только оформленные представления о том, что может иметь устойчивый ценностный смысл и быть жизненным ориентиром; кроме этого, он отражает наш выбор того, что важно, а что – нет.

Как следствие, П. Рикер ввел конфликт интерпретаций в качестве важного элемента герменевтики [Ricoeur 1969] и описал противоречия между разными школами герменевтики в литературной теории, феноменологии религии, психоанализе, библейской экзегетике и т. д. Шведский философ Б. Кристенссон Уггла в своей книге «Битва за реальность» утверждает, что противоречия между людьми, нациями и культурами тоже можно назвать герменевтическими конфликтами [Kristensson Uggla 2002].

Но именно тот факт, что данное противоречие есть конфликт интерпретаций, дает нам надежду найти решение этой проблемы. Интерпретации – еще не окончательные истины. Понимание, что наши собственные интерпретации должны быть открыты для изменений и адаптации, заставляет нас быть скромнее.

Это не означает, что мы должны усомниться в своих убеждениях и опыте, но мы должны быть готовы учиться у других новым горизонтам. Более того, у нас все еще есть надежда поделиться друг с другом своими культурными горизонтами и в результате обнаружить совпадения в жизненном опыте.

Так, разумно предположить, что общие идеи будут найдены в области морали, так как мораль связана с достойной жизнью, к которой стремятся все, независимо от границ и обычаев, которые мы должны уважать.

Но не будем забывать, что мы находимся лишь в самом начале пути к взаимопониманию. Впереди нас ждет долгая дорога, прежде чем мы сможем сказать, что действительно (хотя бы частично) поняли культуру, к которой не принадлежим. Мы можем быстро объединиться для создания единой технической цивилизации, но никогда не образуем (а возможно, и не должны образовывать) единой культуры.

Напомню, однако, что наши различия представляют собой не только проблему, но и достояние. Таким образом, мы можем проявить свою скромность, признав это достояние, прислушавшись друг к другу и пытаясь учиться друг у друга.

II. На пути к глобальному правопорядку

Теперь проанализируем, какие реальные цели и правопорядок могут объединить людей из разных культур в настоящее мировое сообщество.

Мир, в котором мы живем, все больше представляет собой глобальное пространство с общими глобальными проблемами, которые могут быть решены только объединенными усилиями стран в соответствии с новым политическим мышлением. Но наши национальные общества не ориентированы на поиск транснациональных решений или развитие транснационального мышления. Следовательно, нам как гражданам мирового сообщества, столкнувшегося с глобальными проблемами, придется развивать идеи о новом миропорядке с его транснациональными институтами и нормами, соответствующими нашей новой поликультурной жизни.

Обсуждать появление мирового общества, а значит, и нового миропорядка, необходимого для стабилизации и защиты этого общества, нельзя, не проанализировав, что же делает наш мир глобальным обществом.

На наш взгляд, есть ряд проблем, которые не в состоянии в одиночку решить ни отдельное государство (даже самое сильное), ни отдельная группа государств [Кемп 2011]. Существует по меньшей мере четыре вида таких транснациональных проблем.

В данной статье я сосредоточился на группе проблем первого вида, связанных с тем, каким образом люди разных национальностей и культур могут достичь взаимопонимания и при этом сохранить уважение к инакости других вместо того, чтобы стремиться к единообразию, присущему научно-технологической цивилизации.

Второй круг проблем охватывает вопросы финансовой глобализации и мировой промышленной сети, где набор и обучение персонала, руководство и принятие решений осуществляются, невзирая на национальные границы, правительства и парламентские ассамблеи, вызывая конфликт между отдельными государствами и транснациональными корпорациями или компаниями.

Третий круг проблем касается будущего человечества и его последующих поколений. Чтобы обеспечить будущим поколениям жизнь по крайней мере не хуже нашей, мы, живущие сегодня, должны предпринять шаги по сохранению возможностей для стабильного развития наших потомков и необходимых для этого ресурсов. Мы должны относиться к Земле с большей ответственностью, чтобы оставить после себя мир, в котором нас не будут осуждать за эксплуатацию производственного капитала и разрушение мирового климата.

Помимо перечисленных глобальных проблем, о необходимости введения общих международных норм и судов, нужных для поддержания глобального правового миропорядка в наших интересах, говорят международная преступность, геноцид, терроризм (в том числе государственный), а также борьба за мировое господство.

Прежний миропорядок устанавливал международные нормы только для государств. Новый правовой миропорядок станет иным.

Уже сейчас очевидно, что государства не являются единственными международными акторами; государство больше не единственный признанный субъект международного права. Помимо отдельно взятого человека определенное признание в международном праве получили не имевшие его до Второй мировой войны компании, корпорации, организации, институты, НГО и пр. Однако это не исключает того факта, что государства сосредоточили в своих руках еще большую

власть, увеличив контроль над отдельными людьми. Тем не менее их власть ограничена, так как им приходится делиться ею с негосударственными акторами.

С философской точки зрения мы должны сделать выбор между Т. Гоббсом и И. Кантом: считаем ли мы, как Гоббс, что отношения между людьми – это по факту борьба всех против всех? Или мы, как Кант, который не отрицает борьбы между людьми, полагаем, что они *также* могут стремиться жить вместе? Но только при допущении, что человек мыслит как космополит. Этот выбор имеет решающее значение, когда, например, кто-то пытается легализовать гуманитарную военную интервенцию, созвать международный (постоянный или *ad hoc*) суд или трибунал, или требует уважать запрет ООН на использование силы с некоторыми оговорками.

Государства продолжают осуществлять власть через судебные и правовые институты, несмотря на то, что сейчас у них есть негосударственные оппоненты (например, финансовые и гуманитарные акторы). Будущее международного права зависит от того, осознают ли сильнейшие государства, что в общих интересах иметь нормативно-правовую базу для регулирования неотложных вопросов и сформировать союз, управляемый нормами, основанными на универсальных человеческих ценностях, и направленный на создание и поддержание нового социального миропорядка, в котором не только государства и регионы, но и отдельные люди и группы людей будут уважаемы и защищены в рамках космополитического сообщества.

Какие же приоритетные задачи должно ставить перед собой государство, которое хотело бы содействовать развитию космополитической демократии? Возможно, продвижение и признание все большего числа негосударственных акторов с целью создания благоприятной обстановки на глобальной арене. Расширению их признания может способствовать не только предоставление негосударственным акторам дополнительных возможностей в международных институтах, но и внедрение информации об их роли и важности в обучающие программы на всех уровнях образования.

Мы находимся в самом начале пути к взаимопониманию между людьми на Земле и, соответственно, глобальному правопорядку. Но мы можем сказать о человеческом сообществе то же, что Кант говорил о перспективах теории обучения: «Это прекрасный идеал, и не беда, если мы не в состоянии осуществить его немедленно» [Kant 1964: 700].

Перевод с английского К. А. Уховой

Литература

Gadamer H.-G. Truth and Method. 2nd ed. London : Sheed & Ward, 1993.

Herder G. Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit (1784 to 1791). Darmstadt : Joseph Melzer Verlag, 1966.

Husserl E. Die Krisis der Europäischen Wissenschaften und die Transzendente Phänomenologie // Husserliana / Herausg. von W. Biemel. Den Haag : Martinus Nijhoff Publishers, 1950a. Bd. VI.

Husserl E. Ideen zu einer Reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie // Husserliana / Herausg. von W. Biemel. Den Haag : Martinus Nijhoff Publishers, 1950b. Bd. III.

Jaspers K. Die geistige Situation der Zeit. Berlin : Walter de Gruyter, 1931.

Kant I. Über Pädagogik. Einleitung / I. Kant // Werke in 6 Bd. Frankfurt : Insel-Verlag, 1964. Bd. VI.

Kemp P. Citizen of the World. New York : Prometheus Books, 2011.

Kristensson Uggla B. Slaget om verkligheten. Stockholm : Symposion, 2002.

Ricœur P. Le conflit des interprétations, essais d'herméneutique. Paris : Seuil, 1969.
The Conflict of Interpretations, Northwestern University Press, 1974.

Sartre J.-P. L'Être et le Néant. Paris : Gallimard, 1943.